

Научная статья

УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152

Взаимодействие специального и общелитературного значений французских юридических терминов и культурных концептов как средство авторской характеристики персонажей в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» (“À la recherche du temps perdu”)

Елена Сергеевна Савина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

savinaelena2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4301-5638>

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимодействия юридических терминов и культурных концептов в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» (“À la recherche du temps perdu”). Данная проблема интересует нас прежде всего с точки зрения отношений между специальным и общелитературным языком и, следовательно, в аспекте функционирования как юридической, так и общей лексики, и отсылки к самым разным культурным концептам в тексте М. Пруста. Многие работы посвящены изучению взаимосвязи между профессиональным и общелитературным языком. Существуют также различные классификации стилистических фигур, в основе которых лежат разные критерии. Проблема многозначности французских юридических терминов и, в более широком смысле, взаимодействие правовой культуры с культурой в целом заслуживают отдельного изучения. Мы стремимся установить соответствия в тексте М. Пруста правовых понятий другим концептам повседневной жизни и, прежде всего, их взаимоотношения с определенными культурными аллюзиями. Для решения поставленной задачи выявленные юридические понятия были рассмотрены в более широком контексте изучаемого отрывка, в рамках которого они функционируют. Наш анализ показывает, что юридические термины и культурные концепты употребляются автором для характеристики некоторых персонажей романа и для образного описания определенной социальной действительности (например, речь герцога Германтского сравнивается с речью адвоката; поведение Дьёлафуа, пришедшего констатировать смерть больного, – с нотариусом, а бескомпромиссность представлений служанки Франсуазы о морали – с суровостью правового кодекса). Любовные отношения Марселя и Альбертины описываются сравнениями из таких на первый взгляд далеких от предмета изображения отраслей права, как гражданское, уголовное и финансовое. Отсылки к самым разным явлениям правовой культуры и культуры в целом, в частности к классическому театру, живописи эпохи классицизма, к истории и культуре Древней Греции и Древнего Рима, используются не только для создания специфичной авторской поэтики, характеризующейся социокультурной многоплановостью, синтаксической и смысловой усложненностью рефлексии, аллюзивной «насыщенностью», но и для выражения легкой снисходительной авторской иронии по отношению, например, к Франсуазе, народные представления о нормах морали и поведение которой часто описываются, оцениваются или комментируются как бы с высоты изощренной и утонченной авторской культуры, т. е. посредством сопоставления и проведения аналогий с различными прецедентными явлениями из области высокой интеллектуальной и литературной культуры, которые ей заведомо неизвестны.

Ключевые слова

специальный язык, общелитературный язык, культурные концепты, правовая культура, стилистические фигуры, образные сравнения, метафоры, полисемия французских юридических терминов, язык и стиль М. Пруста, юридическая лексика французского языка

© Савина Е. С., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 140–152
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 140–152

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность Елене Эмильевне Разлоговой и Татьяне Ильиничне Тарасовой за помощь, советы и бесценную моральную поддержку

Для цитирования

Савина Е. С. Взаимодействие специального и общелитературного значений французских юридических терминов и культурных концептов как средство авторской характеристики персонажей в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» (“À la recherche du temps perdu”) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 140–152. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152

Interaction between Special and General Meaning of French Legal Terms and Cultural Concepts as a Means of Social Characterization in Marcel Proust’s Novel “À la recherche du temps perdu”

Elena S. Savina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
savinaelena2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4301-5638>

Abstract

The article deals with the analysis of the interaction between legal terms and cultural concepts in Marcel Proust’s novel “In Search of Lost Time” (“À la recherche du temps perdu”). Our primary concern is to contribute to the studies of the relations between the language of professional communication and general communication language within a literary text, and, therefore, to examine the functioning of legal and general vocabulary in the novel. Much has been done in the field of special terms and neutral lexis classification in professional language, but undoubtedly, just as much remains to be done. The analysis of different types of stylistic devices has been widely presented in specialized literature. It would be reasonable to study French legal terms from the point of view of their polysemy as well as from a larger perspective of the interaction between legal culture and culture in general. What we are aiming at is to establish some correspondences of legal concepts to those of everyday life, and above all, their relations with other allusions in the general culture domain. To attain our aim we should look at the legal concepts we detected within a larger context of their functioning. Our analysis reveals that the writer uses legal terms and legal concepts in order to describe some characters of the novel and to represent certain aspects of the social reality he depicts. Love relationship between Marcel and Albertine is illustrated with some examples from the domains of civil, criminal and financial law, which is not usually associated with such a theme. Multiple allusions to various cultural phenomena of legal culture and of culture in general, namely classical theatre and painting, the history of Ancient Greece and Rome express the author’s irony by contrast.

Keywords

language of professional communication, general language, cultural concepts, legal culture, stylistic devices, similes, metaphors, polysemy of French legal terms, Marcel Proust’s language and style, French legal vocabulary

Acknowledgements

The author would like to express deep gratitude towards Elena Razlogova and Tatiana Tarasova for their help, valuable advice, support and encouragement

For citation

Savina, E. S. Interaction between Special and General Meaning of French Legal Terms and Cultural Concepts as a Means of Social Characterization in Marcel Proust’s Novel “À la recherche du temps perdu”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 140–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152

Введение

Традиционно профессиональный язык в качестве функциональной разновидности литературного языка рассматривается наряду с разговорной речью и языком художественной литературы. Отмечается, что, с одной стороны, функционирование языка профессионального общения более узкое, «поскольку ему не свойственны все функции общелитературного язы-

ка» [Лубожева, 2014]. Однако, по мнению исследовательницы, бесспорным представляется также и тот факт, что специальные языки появились именно на основе общелитературного языка [Там же]. Подобный подход, как нам представляется, заслуживает уточнения, так как он верен скорее для гуманитарных и общественных наук, чем, например, для точных. Тем не менее, даже специальная лексика точных наук может приобретать переносное значение и обогащать общелитературный язык. Например, в русском языке формулировка третьего закона механики Ньютона «сила действия равна силе противодействия» давно уже может использоваться образно; ср. также такие выражения, как «поливалентный человек» или «многовекторная политика» и т. п.

Проблему взаимодействия общелитературного и специального языка, в частности юридического, интересно проследить на примере творчества М. Пруста, автора, имеющего степень лицензиата права. М. Пруст изучал право по настоянию родителей, которые хотели, чтобы их сын получил профессию, позволяющую ему иметь постоянный доход; тем не менее, хотя он и посвятил впоследствии свою жизнь литературе, очевидно, что три года изучения права в университете не могли не оказать влияния на его мышление, что, в свою очередь, нашло отражение и в его тексте.

Мы рассмотрим данный вопрос, обратившись к некоторым примерам из третьего тома романа «В поисках утраченного времени» (“*À la recherche du temps perdu*”), «У Германтов» (“*Le Côté de Guermantes*”). Язык и стиль М. Пруста являются в высшей степени многоплановыми, многослойными явлениями; в художественном тексте автора абстрактные, философские понятия нередко соседствуют со сравнениями или аналогиями на базе специальных терминов, а также присутствуют отсылки к различным культурным концептам, в том числе и к правовым¹.

Взаимодействие общелитературного и профессионального (специального) «языков» ставит также вопрос о классификации единиц юридической лексики «по степени терминологизации и «профессиональности» [Кэюнь, 2012, с. 29]. Отвечая на него, французский юрист Ж. Корню указывает, что термины, имеющие исключительно юридическое значение, не являются центром французского юридического подъязыка [Cognu, 2005, p. 68], и подчеркивает особо, что одной из важнейших характеристик юридической лексики является полисемия [Ibid., p. 92–93], а многозначные слова часто имеют как юридическое значение, так и значение в общелитературном языке [Ibid., p. 71]. В связи с этим неудивительно, что юридические термины выполняют определенные функции и в художественном тексте.

В романе М. Пруста затрагивается большое количество разных тем – и абстрактных, философских, и предельно конкретных. Например, как отмечает И. И. Блауберг, в тексте, «кроме тончайших психологических заметок или долгих рассуждений, есть много других пластов: описание, часто ироническое, жизни светского общества, описание природы, зарисовки быта разных слоев французского общества и пр.» [Блауберг, 2018, с. 92]. С философской точки зрения важное место в произведении занимают переплетения различных линий и пространств (см., например, [Николаева, 2012, с. 107]). Определенные особенности языка и стиля писателя объясняются и тем, что речь идет о «биографическом постмодернистском романе», причем они проявились еще в его ранних журналистских работах [Галинская, 2014]. В. Трыков, изучая ранние журналистские тексты писателя, также выделяет их особенности, которые впоследствии в полной мере проявятся в его художественной прозе, и относит к таковым, например, «палитру Пруста-журналиста, те регистры, которые он использует (проникновенный лиризм, ирония, полемический пафос, “импрессионистический мистицизм”), богатство литературных и историко-культурных отсылок, реминисценций и аналогий, чуткость к “чужому слову”, серьезность затрагиваемых вопросов (прежде всего эстетического характера), удивительную зрелость суждений» [Трыков, 2008].

¹ При этом мы придерживаемся точки зрения Ю. В. Суржанской о том, что «культурные концепты создаются на базе индивидуальных концептов, например, писателями или поэтами» [2011, с. 91]

В настоящее время опубликовано много новых работ, посвященных фигурам и их классификациям (см., например, [Jarrety, 2000; Fromilhague, 2015]). Наиболее актуальным представляется подход, согласно которому фигуры предлагается рассматривать в более широком контексте, как в рамках семиотики, поскольку для восприятия фигур важна их структура, так и с точки зрения коммуникации между адресантом и адресатом [Bonhomme, 2010] и в рамках прагматики, обращаясь к философии языка в целом [Gardes-Tamine, 2011].

В нашем материале можно выявить примеры употребления юридической лексики, как общей (в рамках которой порой актуализируется специальное и обиходное значение), так и относящейся к отдельным отраслям права в составе тропов (в образных сравнениях и метафорах, которые, согласно утверждению Ж. Молинье, тесно связаны друг с другом [Molinié, 1992, p. 213; 2005, p. 112]), а также выделить культурные концепты, с которыми она сочетается в тексте для авторской характеристики персонажей в плане оценки их речи, но также, в более широком смысле, на уровне поступков и социального поведения в целом.

Общая юридическая лексика

В следующем ниже примере образное сравнение вводится оборотом *en espèce de*, который этимологически указывает на видовую принадлежность обозначаемого объекта.

Notaire «нотариус»²

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное *notaire* определяется как “*officier public qui a pour fonction de recevoir, dans l’étendue de son ressort, les actes auxquels les parties doivent ou veulent donner un caractère authentique, d’en assurer la date, d’en conserver le dépôt et d’en délivrer des copies exécutoires (grosses) et des expéditions*” (Cornu, 2016, p. 692). В конце первой главы третьего тома романа с нотариусом неожиданно сравнивается выдающийся врач Дьёлафуа, поскольку семья повествователя (Марселя), ясно понимая, что находящейся в агонии бабушке уже ничем нельзя помочь, всё-таки позвала этого очень известного и очень дорогого врача, в общем-то, всего лишь для того, чтобы он засвидетельствовал ее смерть. Отсюда и цепочка тех неожиданных «ролей» эскулапа, которая возникает в эстетическом сознании художника:

<...> Mon père alla le recevoir dans le salon voisin, comme l’acteur qui doit venir jouer. *On l’avait fait demander non pour soigner mais pour constater, en espèce de notaire.* Le docteur Dieulafoy a pu en effet être un grand médecin, un professeur merveilleux; à ces rôles divers où il excella, il joignait un autre dans lequel il fut pendant quarante ans sans rival, un rôle aussi original que le raisonneur, le scaramouche ou le père noble, et qui était de venir constater l’agonie ou la mort <...> (Proust, 1988, p. 331–332)³.

В рассматриваемом отрывке великолепный врачебный талант доктора Дьёлафуа (на что указывают, в частности, такие выражения, как *un grand médecin, un professeur merveilleux*, глагол *exceller*) несколько иронично противопоставляется его юридической функции нотариуса (на это указывают определения *sans rival, original*), в которой он тоже «блистал». С одной стороны, он – персонаж комедии дель арте (ср. *le scaramouche*), с другой – французского классического театра (ср. *le raisonneur, le père noble*).

Данные оппозиции правовой и театральной областей несколько комично подчеркивают «многогранность» положений, свойственных профессии доктора, приглашая читателя закончить пассаж известным выражением – *finita la comedia*.

Avocat «адвокат»

Существительное *avocat* в юридическом значении определяется в словаре “*Trésor de la langue française*” как “*personne qui, étant inscrite au barreau, fait profession de défendre devant les*

² Здесь и далее перевод юридических терминов на русский язык проверяется по словарю общей лексики В. Г. Гака и К. А. Ганшиной (2002) и юридическому словарю Г. И. Мачковского (2004).

³ Далее роман М. Пруста цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

tribunaux, soit oralement, soit par écrit, l'honneur, la vie, la liberté et les intérêts des justiciables et à les éclairer de ses conseils". В романе М. Пруста речь барона де Шарлю сравнивается с манерой говорить адвокатов в целом, конкретного адвоката в частности, а также с речью актеров классического театра Комеди Франсэз:

<...> Je m'avisai que non seulement par les choses qu'il disait, mais par la manière dont il les disait, M. de Charlus était un peu fou. *La première fois qu'on entend un avocat ou un acteur, on est surpris de leur ton tellement différent de la conversation.* Mais comme on se rend compte que tout le monde trouve cela tout naturel, on ne dit rien aux autres, on ne se dit rien à soi-même, on se contente d'apprécier le degré de talent. *Tout au plus pense-t-on d'un acteur du Théâtre-Français: "Pourquoi au lieu de laisser retomber son bras levé l'a-t-il fait descendre par petites saccades coupées de repos, pendant au moins dix minutes?" ou d'un Labori: "Pourquoi, dès qu'il a ouvert la bouche, a-t-il émis ces sons tragiques, inattendus, pour dire la chose la plus simple?"* Mais comme tout le monde admet cela a priori, on n'est pas choqué. *De même, en y réfléchissant, on se disait que M. de Charlus parlait de soi avec emphase, sur un ton qui n'était nullement celui du débit ordinaire.* Il semblait qu'on eût dû à toute minute lui dire: "Mais pourquoi criez-vous si fort? pourquoi êtes-vous si insolent?" <...> (p. 369).

В рассматриваемом примере сравнение с адвокатским красноречием (представленным примером выдающегося адвоката Ф. Лабори, участвовавшего во многих громких судебных процессах, в том числе и в деле Дрейфуса), а также с неестественной высокопарной сценической речью актеров Французской Комедии, выработанной на трагедиях Расина и Корнеля, прекрасно передает отношение Марселя (представителя буржуазии) к необычной, нестандартной манере говорить барона де Шарлю, далекой даже от канона нормальности светского общества. Он прекрасно понимает абсурдность интеллектуальных претензий барона, он шокирован и внутренне готов задать барону неучтивый вопрос «Что Вы тут разорались?», но его сдерживает сама аристократическая среда, все представители которой притворно делают вид, будто всё нормально.

Code «кодекс, свод законов»

Существительное *code* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как "recueil de lois...; plus précisément recueil officiel des dispositions législatives et réglementaires qui régissent une matière; ... désigne l'ensemble des textes réunis, à la source, dans l'édition originale et seule officielle, ensuite, dans les éditions privées...; par extension le support de la publication, le volume" (Cornu, 2016, p. 186). Оно также имеет производное значение "ensemble de coutumes ou de règles parfois écrites, qu'il est convenu de respecter dans une matière, dans un domaine, dans un milieu donné" (TLF). В следующем ниже примере М. Пруст обыгрывает многозначность данного слова, говоря, с одной стороны, о правилах приличия в представлении Франсуазы, с другой – отсылая к первому, юридическому значению, употребляя выражение *les articles du code*:

<...> Malheureusement, il était l'heure où il eût fallu que je lui dise au revoir si je voulais qu'elle rentrât à temps pour son dîner et aussi que je me levasse assez tôt pour le mien. *C'était Françoise qui le préparait, elle n'aimait pas qu'il attendît et devait déjà trouver contraire à un des articles de son code qu'Albertine, en l'absence de mes parents, m'eût fait une visite aussi prolongée et qui allait tout mettre en retard.* Mais devant "mousmé" ces raisons tombèrent et je me hâtai de dire: "Imaginez-vous que je ne suis pas chatouilleux du tout, vous pourriez me chatouiller pendant une heure que je ne le sentirais même pas (p. 347).

Первым и основным кодексом во Франции был Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. (и потому часто под обозначением *Code* подразумевается именно он). В данном контексте актуализируются, на наш взгляд, два аспекта, связанные с представлением о нем в концептосфере французской культуры. Он регулирует прежде всего гражданские отношения не только между людьми в общем, но и между полами (для Франсуазы, крестьянки по своей базовой культуре, неприемлемо, что барышня задерживается в гостях у Марселя допоздна в отсутствие других членов семьи). Кроме того, Кодекс был составлен на основе правовых обычаев Парижа еще XVI в., и его «статьи» унаследованы Франсуазой в виде глубинных, народных представлений о морали вообще и о правилах нравственного поведения всех слоев общества.

На неприятие ею поведения девушки указывают, например, достаточно многочисленные для такого небольшого отрывка выражения со значением времени (*à temps, assez tôt, une visite aussi prolongée*). Марсель хорошо разгадывает скрытые намеки своей служанки, но он очарован манерами Альбертины, и лишь делает вид, что не понимает недовольство Франсуазы.

В данном эпизоде Марсель испытывает *физическое* влечение к Альбертине, реагируя на ощутимый рост ее речевой культуры. Он отмечает, что ее речь изменилась со времени их последней встречи в Бальбеке, и очарован выражением, которое Альбертина использует, говоря об одной из девушек из их группы, “elle a l’air d’une petite mousmé” (в данном контексте – «японка», «японочка»).

Слово было введено во французский язык в конце XIX в. Пьером Лоти в его известном колониальном романе «Госпожа Хризантема» в эпоху сильного увлечения французских интеллектуалов необычной японской культурой. Лоти сопровождает его пространственным комментарием в самом тексте, объявляя его уникальным и интерпретируя его значение фоносемантически с помощью созвучных французских слов *moue* и *frimousse*, т. е. фантазируя на тему милой рожицы и мордашки: “*Mousmé* est un mot qui signifie jeune fille ou très jeune femme. C’est un des plus jolis de la langue nipponne; il semble qu’il y ait, dans ce mot, de la *moue* (de la petite moue gentille et drôle comme elles en font) et surtout de la *frimousse* (de la frimousse chiffonnée comme est la leur). Je l’emploierai souvent, n’en connaissant aucun en français qui le vaille” (Loti, Pierre, *Madame Chrysanthème*, 1887, chapitre 11) ⁴.

Употребление Альбертиной данной лексемы указывает на то, что она знакома с этим романом, что сразу возвышает ее в глазах интеллектуала Марселя, и поэтому он рад кокетливо предложить своей пассии пощекотать его. А служанку Франсуазу с ее кодексом нравственного поведения игнорирует.

Термины из области уголовного права

Sentence «приговор»

Существительное *sentence* определяется в словаре “Petit Robert” как “*décision rendue par un juge ou un arbitre*”. В романе М. Пруста оно используется в производном значении для указания на некий «приговор к одиночеству», вынесенный судьбой в отношении Марселя:

<...> Et confrontée, par le retour incessant de mon désir, à l’ardent plaisir que je goûterais dans quelques jours seulement, hélas! avec Mme de Stermaria, cette après-midi que j’allais achever seul, me paraissait bien vide et bien mélancolique.

Par moments, j’entendais le bruit de l’ascenseur qui montait, mais il était suivi d’un second bruit, *non celui que j’espérais, l’arrêt à mon étage, mais d’un autre fort différent* que l’ascenseur faisait pour continuer sa route élançée vers les étages supérieurs et qui, *parce qu’il signifia si souvent la désertion du mien quand j’attendais une visite, est resté pour moi plus tard, même quand je n’en désirais plus aucune, un bruit par lui-même douloureux, où résonnait comme une sentence d’abandon*. Lasse, résignée, occupée pour plusieurs heures encore à sa tâche immémoriale, la grise journée filait sa passementerie de nacre et je m’attristais de penser que j’allais rester seul en tête à tête avec elle qui ne me connaissait pas plus qu’une ouvrière qui, installée près de la fenêtre pour voir plus clair en faisant sa besogne, ne s’occupe nullement de la personne présente dans la chambre <...> (p. 339–340).

Рассматриваемый отрывок построен на контрасте между предвкушением любовных утех с госпожой де Стермария и пасмурным дождливым днем, который Марсель вынужден провести в одиночестве. Звук лифта, останавливающегося не на этаже повествователя, воспринимается как вступление в силу окончательного приговора суда, согласно которому молодой человек обречен на одиночество и который он не может обжаловать в вышестоящей инстанции. Посредством обращения к данному стилистическому приему автор указывает на тоску, безнадежность, отчаяние Марселя. Настроение унылого дня, внешнего по отношению

⁴ Приводится по примечанию Т. Лаже и Бр. Ж. Роже к данному слову (см. (Proust, 1988, p. 707)).

к юноше и к его одиночеству, занятого лишь «вышиванием» жемчужинами дождя некоего узора на полотне времени и пространства, передается сравнением его «мыслительной работы» с трудом портнихи, настолько сосредоточенной на шитье, что она позволяет себе не замечать присутствие в комнате какого-то посетителя.

Данный отрывок представляет собой, с одной стороны, яркую антитезу между предвкусением Марселем любовного свидания с госпожой де Стермариа, до которого остается еще несколько дней, и серой действительностью одиночества, которая окружает его в ожидании этой встречи, с другой – задает выразительный фон для введения следующего сюжетного поворота, а именно неожиданного визита Альбертины.

Prison «тюрьма»

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное *prison* определяется как “au sens large, établissement destiné à détenir les individus privés de leur liberté par l’effet d’une décision de justice” (Cornu, 2016, p. 808). Это слово имеет также производные значения (TLF). В следующем ниже отрывке обыгрываются, на наш взгляд, как прямое, так и переносные значения данного существительного:

<...> Je traversai le couloir, ne la [Françoise] trouvant pas, je passai par la salle à manger; tout d’un coup mes pas cessèrent de retentir sur le parquet comme ils avaient fait jusque-là et s’assourdirent en un silence qui, même avant que j’en reconnusse la cause, me donna une sensation d’étouffement et de claustration. *C’étaient les tapis que, pour le retour de mes parents, on avait commencé de clouer, ces tapis qui sont si beaux par les heureuses matinées, quand parmi leur désordre le soleil vous attend comme un ami venu pour vous emmener déjeuner à la campagne, et pose sur eux le regard de la forêt, mais qui maintenant, au contraire, étaient le premier aménagement de la prison hivernale d’où, obligé que j’allais être de vivre, de prendre mes repas en famille, je ne pourrais plus librement sortir* (p. 380–381).

Существительное *prison* указывает в данном отрывке как на место, так и, косвенно, на срок отбывания заключения, поскольку речь идет о квартире, из которой Марсель с возвращением его родителей больше не сможет уходить, для того чтобы развлекаться, из-за траура по бабушке, которым он пренебрегал в их отсутствии; вернутся же они на зиму, и потому тюрьма будет зимней (*la prison hivernale*). На начало срока отбывания этого символического наказания указывают расстеленные ковры, которые прибывали к полу на зиму, чтобы было теплее. Подобное сравнение вынужденного заточения Марселя дома с тюрьмой подразумевает выполнение общественной «повинности» – необходимости, в его социальном слое, строго соблюдать траур. Данный отрывок построен как на антитезе между нынешним и предыдущим настроением молодого человека, так и на противопоставлении между зимой, периодом «заточения» в тюрьме, и летом, временем счастья, свободы и обедов на свежем воздухе (*les heureuses matinées, le soleil vous attend comme un ami venu pour vous emmener déjeuner à la campagne*). Зимой же он чувствует себя заключенным среди этих ковров (на что ассоциативно указывают такие существительные, как *silence, étouffement, claustration*).

Термин из области гражданского права

Apport dotal «вклад каждого из супругов в общее имущество»

Прилагательное *dotal* определяется в словаре “Trésor de la langue française” как “qui a trait à la dot”. В тексте это выражение используется для того, чтобы показать, что малообразованная женщина из буржуазной среды, выйдя замуж за образованного мужчину, получает в качестве его «взноса» в общее супружеское имущество слова и выражения изысканной речи:

C’était si nouveau, si visiblement une allusion laissant soupçonner de si capricieux détours à travers des terrains jadis inconnus d’elle que, dès les mots “à mon sens”, j’attirai Albertine, et à “j’estime” je l’assis sur mon lit.

Sans doute il arrive que des femmes peu cultivées, épousant un homme fort lettré, reçoivent dans leur apport dotal de telles expressions. Et peu après la métamorphose qui suit la nuit des noces, quand elles font leurs visites

et sont réservées avec leurs anciennes amies, on remarque avec étonnement qu'elles sont devenues femmes si, en décrétant qu'une personne est intelligente, elles mettent deux *l* au mot intelligente; mais cela est justement le signe d'un changement, et il me semblait qu'entre le vocabulaire de l'Albertine que j'avais connue – celui où les plus grandes hardiesses étaient de dire d'une personne bizarre: "C'est un type", ou, si on proposait à Albertine de jouer: "Je n'ai pas d'argent à perdre", ou encore, si telle de ses amies lui faisait un reproche qu'elle ne trouvait pas justifié: "Ah! vraiment, je te trouve magnifique!", phrases dictées dans ces cas-là par une sorte de tradition bourgeoise presque aussi ancienne que le *Magnificat* lui-même et qu'une jeune fille un peu en colère et sûre de son droit emploie ce qu'on appelle "tout naturellement", c'est-à-dire parce qu'elle les a apprises de sa mère comme à faire sa prière ou à saluer <...> (p. 345–346).

Посредством подобного сравнения автор показывает, что традиционный буржуазный язык Альбертины в значительной степени обогатился, и девушка, которая раньше, в Бальбеке, не интересовала Марселя, теперь, благодаря своей новой культуре речи, привлекает его также и физически (на связь изысканной манеры речи и появления плотского желания у юноши указывает такая лексика, как *j'attirai, je l'assis sur mon lit, la nuit des noces*).

Юноша обращает внимание на то, что в речи Альбертины появились новые более «изысканные» обороты (*à mon sens, j'estime*), которых она раньше не слышала в своем прежнем социальном круге, где властвовали грубовато-фамильярные выражения прозы жизни вроде *c'est un type* и *je n'ai pas d'argent à perdre*⁵. Именно такая лексика ранее была для нее неким «культурно-интеллектуальным пределом», впитанная ею, словно с молоком матери, от представителей ее среды вместе с их буржуазным этикетом и правилами приветствия, подобно тому, как впитываются молитвы (упоминается, в частности, «Славит душа моя Господа» из Псалтыри). Сюда же относится употребление ею лексемы *mousmé*, о чем мы сказали выше. Чудесная трансформация подчеркивается тем, что вскоре после первой брачной ночи со своим мужем, более образованным человеком, молодая жена, встречаясь со своими прежними подругами, начинает вдруг обращать внимание на орфографию и утверждает «орфографическим декретом» новую высокую для себя норму (т. е. почтенный *bon usage*): если хочешь слыть интеллигентной или претендуешь на интеллект, то научись, ма шерри, писать два *l* в этих словах, даже если произносится одно⁶. Пруст, как видим, не прощает речевого лаксизма людям своего круга.

Термины из области конституционного права

Anarchie «анархия», *tyrannie* «тирания», *monarque* «монарх»

Прибегая к высоким терминам *le régime de la liberté politique* «режим политических свобод» и *la religion d'État* «государственная религия», которые, строго говоря, не относятся к юридической лексике, но ассоциативно тесно с ней связаны, М. Пруст не имеет намерения обсудить эти понятия по существу; они нужны ему для создания контраста между высокой формой (пятый этаж был в то время высоким) и низким, банальным содержанием: он всего лишь высмеивает привычку Франсуазы ругать даму с пятого этажа, на которую ей жаловались слуги последней. Впрочем, он хорошо понимает, что косвенно она ругает тем самым и своих хозяев. Параллельно автор иронически развивает мысль, о том, что именно абсолютная власть правителей и тирания способствуют раскрытию талантов писателей и поэтов, оспаривая тем самым стандартные представления его ультралиберального времени о свободе творчества.

Mais surtout, comme les écrivains arrivent souvent à une puissance de concentration dont les eût dispensés le régime de la liberté politique ou de l'anarchie littéraire, quand ils sont ligotés par la tyrannie d'un monarque ou d'une poétique, par les sévérités des règles prosodiques ou d'une religion d'État, ainsi Françoise, ne pouvant nous répondre d'une façon explicite, parlait comme Tirésias et eût écrit comme Tacite. Elle savait faire tenir tout ce qu'elle ne pouvait exprimer directement, dans une phrase que nous ne pouvions nous incriminer sans nous accuser, dans moins qu'une phrase même, dans un silence, dans la manière dont elle plaçait un objet (p. 349).

⁵ Примеч. редактора: 1) Парень, что надо, свой фраер. 2) (Нам) деньгами сорить не приходится.

⁶ Во французском, конечно же.

В рассматриваемом примере М. Пруст иронически сравнивает жесткость законов стихосложения (*règles prosodiques*) с «тиранией» авторитарных политических режимов и показывает, что именно желание избежать сурового наказания закономерно приводит к тому, что авторы и поэты развивают дар к иносказательному повествованию. В число последних он шуточно включает и Франсуазу, которая, не умея писать, тоже развила «талант» *многозначительно* молчать и *выразительно* расставлять предметы. С данным приемом сочетается и своеобразная контекстуальная гипербола – Марсель рискнул сравнить Франсуазу с мифологическим прорицателем Тиресием и с отстаивавшим правду древнеримским историком Тацитом. Шутливая ирония здесь объясняется тем, что бытовое «злословие» Франсуазы о своих господах, их разоблачение в компании своих подруг (т. е. кумушек), никак нельзя уподобить откровениям Тиресия или рвению Тацита о сохранении исторической правды.

Термин из области финансового права

Bon «чек, талон, ордер»

Словарь “Petit Robert” определяет существительное *bon* как “*formule écrite constatant le droit d’une personne d’exiger une prestation, de toucher une somme d’argent, etc.*”. В этом значении данное существительное используется в таких, например, выражениях, как *bon d’essence; bon de commande, de livraison; bon pour...; signer un bon; bon de caisse; bon du Trésor; souscription de bons*. Производное значение данного термина, когда речь идет не о деньгах или иных материальных благах, а о праве провести ночь с женщиной, зафиксировано в художественной литературе словарем “Trésor de la langue française”: “Pour faire une blague, pour faire rigoler, pour poser au malin, pour rien, il leur avait donné ce papier. Ils avaient dû en rire longtemps tous les quatre, se taper sur la cuisse. C’était la mode, d’ailleurs, chez les Allemands, de mettre de ces inscriptions-là sur les bons de réquisition ou de logement. Mais peut-être que le lendemain, dessoûlé, Albrecht s’était rappelé et avait éprouvé quelque chose comme un remords. “[un] bon pour dormir une nuit avec madame...” “Albrecht”. В романе М. Пруста данное слово употребляется в переносном, но все равно «меркантильном» значении для указания на право Марселя позже получить поцелуй от Альбертины:

“Si vraiment vous permettez que je vous embrasse, j’aimerais bien remettre cela à plus tard et bien choisir mon moment. Seulement il ne faudrait pas que vous oubliiez alors que vous m’avez permis. *Il me faut un “bon pour un baiser”*”.

– *Faut-il que je le signe?*

– *Mais si je le prenais tout de suite, en aurais-je un tout de même plus tard?*

– *Vous m’amusez avec vos bons, je vous en referai de temps en temps.*

– Dites-moi encore un mot, vous savez, à Balbec, quand je ne vous connaissais pas encore, vous aviez souvent un regard dur, rusé, vous ne pouvez pas me dire à quoi vous pensiez à ces moments-là? (p. 352).

В данном случае интересно отметить, что финансовый термин и указание на конкретную финансовую операцию (“*signer un bon*”) кокетливо употребляются в любовной беседе для указания на отложенное на более поздний срок телесное удовольствие, но, тем не менее, лишено у Пруста какой бы то ни было «панельной» коннотации.

Отсылка к культурным концептам, связанным с правовыми понятиями

В следующем ниже отрывке Франсуаза иронически сравнивается как с известными актерами, так и с Правосудием с картины П.-П. Прюдона «Правосудие и божественное Возмездие, преследующие Преступление»:

<...> Elle avait, pour faire parler ainsi un objet inanimé, l’art à la fois génial et patient d’Irving et de Frédéric Lemaître. En ce moment, tenant au-dessus d’Albertine et de moi la lampe allumée qui ne laissait dans l’ombre aucune des dépressions encore visibles que le corps de la jeune fille avait creusées dans le couvre-pieds,

Françoise avait l'air de La Justice éclairant le Crime. La figure d'Albertine ne perdait pas à cet éclairage <...> (p. 349).

Г. Ирвинг и Фр. Лемэтр – известные английский и французский актеры, прославившиеся игрой в пьесах Шекспира и в романтическом театре соответственно (Proust, 1988, p. 707). Здесь устами Марселя иронично описывается талант Франсуазы «многозначительно передвигать» тот или иной предмет, чтобы эксплицитно показать, что она, например, прочитала в непреднамеренно оставленном на столе письме нелестный отрывок о себе. Название *La Justice éclairant le Crime* также иронично отсылает к названию аллегорической картины французского художника П.-П. Прудона конца XVIII – начала XIX в. “*La Justice et la Vengeance divine poursuivant le Crime*”. Игра антонимичных названий состоит в том, что Франсуаза пришла осветить лампой Марселя и Альбертину, которые забавлялись в темной комнате невинными любовными утехами, ведя кокетливые беседы и вспоминая лето, проведенное в Бальбеке. Франсуаза хочет «пролить свет» на совершаемое «преступление», хотя ничего предосудительного между молодым человеком и девушкой не происходило. На картине же Прудона, которую изначально заказали для росписи потолка Дворца правосудия в Париже, преследование (т. е., в современной терминологии, расследование) происходит в темноте и место лишь слабо освещается светом луны. Таким образом, если расшифровать имплицитную отсылку Пруста к картине, то можно понять, что, сравнивая Франсуазу как с великими актерами, так и с аллегорией Правосудия с картины, М. Пруст иронично изображает попытки служанки заставить хозяев соблюдать принципиальные для нее нормы морали.

Автор также задействует различные пласты культуры, в том числе и отсылку к правовой ситуации, чтобы показать некое постоянство, неистребимость прошлого, сохранение его следов в настоящем, которые, тем не менее, удастся постичь не сразу, а лишь после кропотливых трудов и по истечении долгого времени:

<...> Le passé non seulement n'est pas si fugace, il reste sur place. *Ce n'est pas seulement des mois après le commencement d'une guerre que les lois votées sans hâte peuvent agir efficacement sur elle, ce n'est pas seulement quinze ans après un crime resté obscur qu'un magistrat peut encore trouver des éléments qui serviront à l'éclaircir; après des siècles et des siècles, le savant qui étudie dans une région lointaine la toponymie, les coutumes des habitants, pourra saisir encore en elles telle légende bien antérieure au christianisme, déjà incomprise, sinon même oubliée, au temps d'Hérodote et qui, dans l'appellation donnée à une roche, dans un rite religieux, demeure au milieu du présent comme une émanation plus dense, immémoriale et stable.* Il y en avait une aussi, bien moins antique, émanation de la vie de cour, sinon dans les manières souvent vulgaires de M. de Guermantes, du moins dans l'esprit qui les dirigeait <...> (p. 405).

Устойчивость прошлого передается за счет использования таких выражений, как *il reste sur place* и *une émanation immémoriale et stable*. Для иллюстрации данного тезиса М. Пруст приводит примеры историка, случайно обнаружившего древнюю легенду (которую, очевидно, даже Геродот не учел в своем описании, хотя он считается первым автором всемирной истории и, по сути, первым этнографом и антропологом за несколько веков до появления христианства), взвешенного принятия законов во время войны (которые лишь намного позже приведут к желаемому эффекту) и раскрытия следователем преступления пятнадцать лет спустя (что в действительности представляется маловероятным даже в наше время с учетом современного развития криминалистики). Подобную неизменность прошлого Марсель видит также и в герцоге Германтском, хотя и привносит в данное видение некие ироничные нотки, упоминая вульгарные манеры последнего.

Заключение

Юридические термины и связанные с ними культурные концепты выполняют в рассмотренных нами контекстах важную функцию социальной и культурной характеристики основных персонажей романа, представляющих социальные коды хозяев и слуг определенной исторической действительности. Излюбленная стратегия Пруста представлена приемами

аналогии, проведения параллелей с существующими эталонными образцами функционирования общественных институтов, на фоне которых герои часто выглядят откровенно комично, как карикатуры идеального образа. Например, великий врач Дьёлафуа и барон де Шарлю уподобляются как представителям юридических профессий (нотариусу и адвокату соответственно), так и актерам французского классического театра, ничего не выигрывая от этого сопоставления, а иногда и проигрывая. Строгость представлений Франсуазы о моральных нормах межполовых отношений также иллюстрируется правовым понятием «кодекс» как нечто обязательное к соблюдению и караемое законом в случае пренебрежения им. Эта установка подкрепляется рядом культурных аллюзий (на неведомых ей древнегреческого предсказателя Тересия, историка Тацита и картину Прудона), которые представляют собой нечто вроде авторского комментария по поводу ригидных крестьянских установок служанки.

Поводы для проведения сравнений, аналогий и параллелей у Пруста непредсказуемы и отличаются крайней оригинальностью. Развитие любовных отношений Марселя и Альбертины М. Пруст также передает «в терминах» из разных областей права. Так, вынужденное нахождение Марселя дома, предписываемое сословной нормой соблюдать траур по бабушке, сравнивается с приговором суда к тюремному заключению за некое преступление и осознается как «заточение». Употребление Альбертиной новых выражений «из культурного общества» воспринимается как обогащение ее речи, как получение во владение имущества, некоего культурного капитала буржуазии, что и меняет отношение к ней Марселя. Коммерческий характер акта присутствует и в попытке получить право на отложенный поцелуй с помощью символического чека, гарантирующего возврат долга. Приведенные нами примеры свидетельствуют о тесной связи между правовой культурой и культурой в целом в текстах М. Пруста.

Обыгрывание прямого и производного значений (например, таких существительных, как *code*, *sentence*, *prison*) и отсылка к понятиям правовой культуры и культуры в общем (классический французский театр, культура речи, культура и история Древней Греции и Древнего Рима, живопись эпохи классицизма) используются не только для более салиентного представления описываемых общественных типажей и явлений, но также и для выражения косвенной авторской оценки, часто иронической. Характерно для поэтики Пруста то, что для описания относительно «простых» ситуаций он обращается сразу к нескольким «сложным» культурным концептам, иногда намеренно создавая контраст между формой (планом выражения мысли) и ее содержанием (планом содержания).

Список литературы

- Блауберг И. И.** О некоторых философских сюжетах в творчестве Марселя Пруста // Философские науки. 2018. № 9. С. 78–95.
- Галинская И. Л.** Марсель Пруст // Вестник культурологии. 2014. № 3 (70). С. 197–198.
- Кэюнь Д.** Юридическая лексика в судебной речи // Учен. зап. Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64), № 1, ч 2. С. 27–30.
- Лубожева Л. Н.** Современный взгляд на профессиональные языки // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. Ч. 2, № 1 (20). С. 118–119.
- Николаева Т. М.** О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. 128 с.
- Суржанская Ю. В.** Индивидуальные и культурные концепты: общее и различное // Язык и культура. 2011. № 3. С. 87–93.
- Трыков В. П.** Марсель Пруст – журналист // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (дата обращения 26.12.2021).

- Bonhomme, M.** Les figures du discours: entre sémiotique et stylistique. In : Stylistiques? Sous la direction de Laurence Bougault et Judith Wulf. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2010, pp. 111–124.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. Paris, Montchrestien, 2005, 443 p.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. Paris, Armand Colin, 2015, 132 p.
- Gardes-Tamine, J.** Pour une nouvelle théorie des figures. Paris, PUF, 2011, 224 p.
- Jarrety, M.** Lexique des termes littéraires. Paris, Le Livre de Poche, 2000, 473 p.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. Paris, Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. Paris, PUF, 2005, 213 p.

Список источников и словарей

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. Paris, Gallimard, 1988, 765 p.
- Гак В. Г., Ганшина К. А.** Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 1195 с.
- Мачковский Г. И.** Французско-русский юридический словарь. М.: Руссо, 2004. 437 с.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1101 p.
- Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
- TLF – Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения 26.12.2021).

References

- Blauberg, I. I.** On Some Philosophical Themes in Marcel Proust's Oeuvre. *Philosophical Sciences*, 2018, no. 9, pp. 78–95. (in Russ.)
- Bonhomme, M.** Les figures du discours: entre sémiotique et stylistique. In: Stylistiques? Sous la direction de Laurence Bougault et Judith Wulf. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2010, pp. 111–124.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. Paris, Armand Colin, 2015, 132 p.
- Galinskaya, I. L.** Marcel Proust. *Bulletin of Cultural Studies*, 2014, no. 3 (70), pp. 197–198. (in Russ.)
- Gardes-Tamine, J.** Pour une nouvelle théorie des figures. Paris, PUF, 2011, 224 p.
- Jarrety, M.** Lexique des termes littéraires. Paris, Le Livre de Poche, 2000, 473 p.
- Kejun, D.** Legal Vocabulary in Judicial Discourse. *Scientific Proceedings of Taurida National University named after V. I. Vernadsky. Series of Philology and Social Communications*, 2012, vol. 25 (64), no. 1, pt. 2, pp. 27–30. (in Russ.)
- Lubozheva, L. N.** A Modern View of Professional Languages. *International Research Journal*, 2014, pt. 2, no. 1 (20), pp. 118–119. (in Russ.)
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. Paris, Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. Paris, PUF, 2005, 213 p.
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Has Really Written About? Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Surzhanskaya, Yu. V.** Individual and Cultural Concepts: Similarities and Differences. *Language and Culture*, 2011, no. 3, pp. 87–93. (in Russ.)
- Trykov, V. P.** Marcel Proust as a Journalist. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2008, no. 5. (in Russ.) URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (accessed 26.12.2021).

List of Dictionaries and Sources

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. Paris, Gallimard, 1988, 765 p.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1101 p.

Gak, V. G., Ganshina, K. A. New French-Russian Dictionary. Moscow, Russian Language Publ., 2002, 1195 p.

Machkovsky, G. I. French-Russian Legal Dictionary. Moscow, Russo Publ., 2004, 437 p.

Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.

Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 26.12.2021).

Информация об авторе

Елена Сергеевна Савина, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV)

Information about the Author

Elena S. Savina, Candidate of Sciences (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University

*Статья поступила в редакцию 17.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 17.01.2022;
approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 20.04.2022*